

Анна Воронова
Лунное танго
Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=648995
Лунное танго: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-49240-4

Аннотация

Что делать, если не веришь в любовь? Если никогда не видел ее и считаешь глупой выдумкой, сказкой? Для Динки ответ прост: завести собаку! Ведь только животные способны на искренние чувства и настоящую преданность... Лучшим другом Динки была полусобака-полуволчица Рэнька, но однажды девочке пришлось с ней расстаться. Оставить Рэньку у родителей – потому что самой ей предстояло уехать в другой город. Так Динка оказалась одна – без друзей и без любви, которую не надеялась встретить...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анна Воронова

Лунное танго

Если вы можете:

- начать свой день без кофеина,*
- быть жизнерадостным и не обращать внимания на боли и недомогания,*
- удержаться от жалоб и не утомлять людей своими проблемами,*
- есть одну и ту же пищу каждый день и быть благодарными за это,*
- понять любимого человека, когда у него не хватает на вас времени,*
- пропустить мимо ушей обвинения со стороны любимого человека, когда все идет не так не по вашей вине,*
- спокойно воспринимать критику,*
- относиться к своему бедному другу так же, как и к богатому,*
- обойтись без лжи и обмана,*
- бороться со стрессом без лекарств,*
- расслабиться без выпивки,*
- заснуть без таблеток, – искренне сказать, что у вас нет предубеждений против цвета кожи, религиозных убеждений, сексуальной ориентации или политики, – значит, вы достигли уровня развития своей собаки.*

Сэр У. Черчилль

Глава 1

Большая Херь и Бэтмен

Первую монгольскую лошадь звали Большая Херь.

Лошадь – толстобокая, приземистая, косматая – быстро схрупала сухарь и ощутимо ткнула Динку носом. Из Динкиного кармана вкусно пахло, там, помимо сухарей, прятался еще и сахар.

– Пап, ее как зовут?

– Херь.

– Как? – опешила Динка. – Почему?

– А, считай, почти всех монгольских лошадей зовут Херь. Эта – Большая Херь, а вон та, у коновязи, – Маленькая. А рядом – Белоногая. «Херь» – это значит гнедая, масть такая. А других имен тут не дают, монголы не понимают, зачем лошади имя. Ну, жеребцы там, конечно, кони волшебные у батыров... а эти, рабочие, все одна херь.

– Ну как же?! Лошади же! Они же наши друзья.

– Не выдумывай. Друзья! На них ездят, а не дружат. Большая разница – друзья и тягловый скот. Ты же не даешь клички вагонам в метро. Ты этих вагонов даже не замечаешь, просто едешь в школу – и все. Вот и монголы так же. Только метро у них живое.

И папа ушел в гостевой домик.

– Бе-бе-бе, – показала ему в спину язык Динка, – дурацкий пример. Если б это был мой собственный вагон, я бы уж точно не стала его звать просто железякой. Небось у самого как машина, так – «ласточка моя», а как лошадь – так херь. Не выдумывай, Дина, ха! Я бы вагон

назвала Терминатором, или Самоваром, или Гремучкой, все лучше, чем ваша херь всеобщая. А ведь вагон железный. А лошадь живая.

И она сочувственно скормила Большой Хери все сухари, а сахар оставила для Белоной и Маленькой. Плохо, когда тебя не замечают, даже когда садятся тебе на спину.

Динка любила давать имена. В детстве она давала имена дождям. Дожди приходили по очереди, топтались за окнами детского садика, и ей казалось, что некоторые живут неподалеку, поэтому чаще других забредают в гости. Особенно осенью. Осенью дожди ходили целыми табунами. Они казались ей похожими на прозрачных коней с тысячью серебристых ног. Динка всегда хотела, чтобы у нее был собственный конь.

И собака.

В детстве – ну, когда она была совсем маленькая, – родители ни за что не хотели брать собаку. Они все время переезжали с места на место, задерживаясь на год-другой в разных городах на съемных квартирах. Мама частенько говорила: «Не живем, а кочуем». Динке нравилось кочевать, она не знала другой жизни. Вот только собака... ей очень хотелось собаку, невероятно. Чтобы у нее наконец-то появился друг. Лошадь тоже хотелось, но она себя сдерживала – понятное дело, не станут же родители таскать за собой лошадь, им и одной Динки хватало.

Однажды, когда она только пошла во второй класс, мама отправила ее на полгода в маленький карельский городок к тетке – но Динке ужасно не понравилось кочевать одной. Больше она с родителями не расставалась. А собаку ей все-таки завели, только это грустная история...

Последние три года семья жила за границей, в столице Монголии – Улан-Баторе. Удивительный это был город, где по улицам бродили коровы, рысили всадники дэли в национальных халатах, на низких мохнатых лошадках, а в чай клали соль вместо сахара.

И только Динка всерьез стала присматриваться к местным лошадям, прикидывая, не уговорить ли родителей, – как выяснилось, что она едет обратно, в Россию. А из-за чего? Из-за школы! Вот уж засада так засада... Впереди маячил переезд, папу засылали куда-то на границу пустыни Гоби, мама ехала с ним, а Динке там места не нашлось, потому что учиться нигде. И как она ни бунтовала, как ни подлизывалась – все оказалось бесполезно...

* * *

Тыг-дым, тыг-дым, – отбивали колеса.

Она прижалась носом к черному холодному стеклу в коридоре вагона. Поезд грохотал, гремел, как чугунная конница или как стая стремительных железных ласточек. За окном покачивался снежный лес, подсвеченный зеленоватой волчьей луной. Так и подмывало завывать, задрав голову к черным летучим небесам.

Она умела выть по-волчьи.

Она научилась у Рэньки, у своей любимой собаки, почти волчицы.

Сквозняк холодил щеку, в дребезжащую щель влетали крошечные колючие снежинки. Холодно, все время холодно. В Монголии тоже было холодно, но по-другому. Там ветер поднимал невесомую морозную пыль, камни смерзались намертво, а вот снега не было, только промерзшая окаменевшая земля. И деревьев не было, и травы. Только пыль, камни, овцы, коровы и лошади. Невысокие косматые лошади с заиндевевшими гривами. Жалко, не успела она себе там лошадку завести...

За окном наконец-то мелькнули первые фонари, поезд дернулся, заскрежетал, сбрасывая скорость, и Динка отлипла от стекла, вернулась в свое купе. Привычно накинула лямки здорового походного рюкзака, деловито шелкнула пластиковыми застежками, подтянула

ремни. Сонная проводница вышла в тамбур, молча откинула лязгнувшую лесенку, и девочка прыгнула вниз, на заснеженный щебень.

Станция называлась Лодейное Поле. Тут у Динки пересадка. Московские поезда шуровали дальше, на Мурманск, а ей надо было свернуть в медвежий угол (как говорила мама), к огромному озеру Ладога. Поезд в нужный ей городок ходил всего один раз в день, и пересядываться на него полагалось в пять утра. Такая вот нечаянная радость. Сам поезд невелик – тепловоз и ровно два вагона.

Динка перелезла через рельсы, вскарабкалась по лесенке на платформу и огляделась. Что это за Лодейное Поле, скажите на милость? И где тут вокзал?

Пассажиры из других вагонов уже подхватили баулы и тележки, устремляясь к пролету железнодорожного моста. Динка плотнее завязала меховые уши, одернула короткую дубленку и, стараясь не хватать ртом морозный воздух, заторопилась следом. Сверху, с моста, открывались ветвящиеся пути, паровозы, вагоны с бревнами, цистерны, пустые платформы. Московский скорый, казалось, с трудом втиснулся между коричневыми тяжелыми товарняками. Где-то клубился пар, рельсы отсвечивали синевой под мощными прожекторами, лязгало железо, голос диспетчера неразборчиво шелестел, что-то гулко вздыхало в динамиках. Она спустилась вниз возле низкого здания, больше похожего на бункер, в котором можно пересидеть с десятков ядерных зим.

Внутри оказалось еще холоднее. И совсем пусто. На пластиковых синих сиденьях дрыхла пара мужиков в телогрейках, в огромных черных валенках. Динка, волнуясь, сунулась в окошко кассы:

– Мне билет до этого... Длинного Берега.

Длинный Берег – вот как назывался город. Необычное название. Хотя рядом с Лодейным Полем или Медвежьей Горой, которую она разглядела в расписании, это звучало совершенно обыденно.

Кассирша сунула ей обратно паспорт, сдачу и билет, буркнула: «Двенадцатый вагон, отправление в пять тридцать», – и прихлопнула окошко. Динка покосилась на спящих и, несмотря на рюкзак, решила прогуляться.

Морозный воздух обжигал. Привиденческий голос диспетчера все так же гулко вздыхал и бормотал о чем-то своем, железнодорожном.

Холодно, холодно, холодно! Динка потопала ногами, даже попрыгала – а потом пошла в конец длинного перрона, надеясь согреться. На дальнем краешке платформы одиноко маячили два вагона. Она промаршировала мимо раза два, а когда разворачивалась в третий, заметила на зеленом обледенелом боку табличку: «Санкт-Петербург – Длинный Берег».

Постойте, постойте... Это получается же ее поезд? Ее вагон? Конечно, вот он, двенадцатый. А следующий – если присмотреться, видно – тринадцатый. И время уже поджимает, кстати. Так почему же посадку до сих пор не объявили?

Она завертела головой направо-налево. Пусто. Спросить не у кого. Как будто все вымерли, и только поезда живут своей странной лязгающей от замороженной жизнью.

Динка шагнула к краю платформы. Вагоны стояли чуть в стороне, на втором пути, так что пришлось лезть вниз и топтать напрямик через рельсы. Платформы тут тоже не было, и вскоре Динка растерянно топталась перед высокой, наглухо закрытой дверью.

Она поскреблась снизу, потом, задрав голову, прошлась вдоль. Свет внутри не горел, было тихо. Как говорится, никаких признаков жизни. Засомневавшись, она вытащила билет. Вроде все верно – и номер поезда, и станция... И двадцать минут до отправления, между прочим! Почему же никто не открывает?!

Динка неуверенно стукнула кулаком в дверь. Меховая варежка глушила звук, да и вообще – стучаться снизу оказалось жутко неудобно. Тогда она сдернула варежку и саданула

кулаком со всей дури. Никакой реакции. Пальцы от соприкосновения с железом мгновенно заледенели. Динка заколотила отчаянно, голося:

– Эй! Проснитесь! Я к вам! У меня билет!!!

Внутри звякнуло, завозилось... железная дверь чуть подалась.

– У меня билет, – с облегчением повторила Динка и даже на цыпочки привстала, чтобы ее лучше услышали. – Это же поезд 77-й, верно? Я до Длинного Берега.

– Чего шумишь? – недовольно сунула нос в щель пожилая тетка в синей форме. – Под завязку у меня все забито. В соседний стукни, в тринадцатый. Там у Нинки пусто, ей и билет дашь.

И с грохотом захлопнула дверь.

А Динка осталась, задрал голову.

Тут ее тронули за плечо.

Рядом стояла девчонка в кокетливо расклешенной дубленке, и – о ужас! – совсем без шапки. За ней переминался высокий мужик с объемистой дорожной сумой. Видимо, они подошли, когда Динка разговаривала с проводницей.

– Я все слышала, айда в тринадцатый, – улыбнулась морозоустойчивая. – Я тоже с билетом. Но это даже клево, что в свободном поезде, не люблю толпу.

– А... так разве можно?

Динке казалось, что она попала в какой-то фильм о Гражданской войне. Безлюдье, синие стальные фонари, черные поезда, черные громадные колеса, ледяной вагон, в который все равно не пускают, несмотря на билет, ветер, снег...

В Улан-Баторе все-таки жизнь была ключом. Кругом люди, освещенные проспекты, шум машин. До этого они жили в Питере, и Динке поневоле казалось, что, кроме больших городов, в мире ничего нет. Ну, разве что степи. А тут – маленькие пустые станции и леса, леса, леса...

– Почему нет? Дядя Саша, айда.

Девчонку, похоже, ничто не смущало.

Она напористо забарабанила в дверь тринадцатого – и ей тут же открыли, будто ждали. Молодая проводница (Нинка, надо полагать) ничуть не удивилась билетам в другой вагон, глянула мельком и скрылась в своем купе. До чего же это было не похоже на строгие московские поезда, где перед посадкой тщательно сверяли билет с паспортом, где горел свет, а чтобы попасть в вагон, надо было всего лишь чинно шагнуть внутрь с перрона.

А здесь... мамма миа, лесенка узкая! Динка уцепилась за перильца, высоко закинула ногу – и чуть не сорвалась, потому что тяжелый рюкзак дернул ее обратно. Хорошо, мужик подтолкнул в спину, и она, пыхтя, буквально ввалилась в вагон.

Пахло углем, дымом, разливалось упоительное тепло. И тишина. Проводница махнула рукой: «Мест полно, любые занимайте...» – и принялась шуровать в тамбуре.

Динка пошла вперед. Прямо на полках, без матрасов, спали рыбаки в телогрейках и черных тулупах, составив внизу свои короба. От них пахло рыбой, свежей хвоей и талой снеговой водой. Дальше в вагоне никого не было.

Она свернула в пустой отсек, сбросила наконец рюкзак. Потерла затекшие плечи, растегнула молнию. После всех волнений ей больше всего хотелось переодеться и выпить чаю. Хотя, может, тут и чая нет? Первобытный же какой-то вагон. Даже свет не включают. Да и сам поезд первобытный: где вы видели нормальные поезда из двух вагонов?

* * *

Динка порылась в рюкзаке, вытащила чистую футболку, книжку, пакет с печеньем – так, на всякий случай. Вдруг проводница все-таки придет проверять билет второй раз, тогда можно будет и чаю попросить.

Просто так попросить она стеснялась.

Между тем подошло время отправки, протянулось еще десять минут, потом еще пять – Динка косилась на мобильник, – а поезд как стоял, так и стоял себе без движенья.

Да что же это такое? Неужели снежные люди на шерстистых носорогах перекрыли все выездные пути?!

Наконец вагон несколько раз основательно трянуло – видимо, цепляли локомотив, – и только после этого, еще минут через пять, состав мягко тронулся с места. Чуть погода в Динкино купе весело ввалилась та самая девчонка без шапки.

– Уф! – Она плюхнула сумку на сиденье, трянула заиндевевшими волосами, сунулась к окну, чуть не сметя Динку полами дубленки, и остервенело замахала рукой:

– Дядя Саша, пока-а! Не слышит. Пока-пока! Во глухня.

И развернулась к Динке:

– А тебя как зовут? Ты откуда к нам? Из Москвы, что ли? Я сразу поняла, что из Москвы. С московского пересаживалась, да? А ты к кому? На каникулы, да? А может, на турбазу? К нам туристы ездят, но редко. Рюкзель у тебя, смотрю – круть, походный, да? У меня тоже есть, но маленький. Зато смотри, какие застёжки прикольные. А что это за штучка у тебя? И ушанка ничего, необычная. Где покупала? Чего, давай чай пить, ага? Я сейчас, погоду.

Попутчица зашвырнула дубленку на верхнюю полку и умчалась. Динка так и осталась сидеть, вжата в уголок воздушной волной.

«Здрасьте, Маша, я Дубровский, – подумала она, – это не девочка, а цунами какое-то говорящее – примчалась, умчалась, задала кучу вопросов – и что? Мне отвечать или нет? Чего она хочет? Просто поболтать? Как сложно все-таки с людьми...»

Вообще-то Динка привыкла в поезде спокойно читать, пить чай, валяться на полке, задумчиво глядя в окошко. На соседей она никогда не обращала внимания. А если с ней заводили дорожные разговоры – коротко отвечала, тяготясь и стесняясь вынужденного общения. Даже когда ехала из Улан-Батора до Москвы, а это – пять суток в пути, между прочим.

Девчонка между тем вернулась, зашвырнула на верхнюю полку свитер, цапнула со стола Динкину книжку – «Там про любовь или так, про пчел?» – и кинулась потрошить сумку, вываливая на полку пакеты и пакетики.

– Так, так, ага... да где же?! Вечно в этой сумке все теряется, достало. А, вот! Держи, тут яблоки, бутерброды, печенье – сама бери что хочешь, да? Родичи напихали. Так ты на турбазу или чего, я не врубилась?

– Я нет, не на турбазу. – Динка неловко качнулась вперед, чуть не сбросив пакет, который очутился у нее на коленях. – Я так просто.

– В гости? К бабушке, что ли?

– К тете.

– А, тебя, наверно, предки на каникулы сюда загнали... понимаю. Только я б ни за что не согласилась к нам на каникулы. Какие у нас каникулы? Скучотища, отстой. Я вот на все всегда линияю. Сейчас была в Питере, а в Лодейке у нас родственники, да ты видела дядю Сашу, к ним тоже заехала на пару дней... ты с лимоном будешь или без?

– С лимоном, – машинально кивнула Динка. – Я не на каникулы, а вообще. Жить.

– Жи-ить? – соседка перестала запихивать в сумку пакеты, и они тут же вывалились обратно. – Из Москвы – и к нам? Жить? Во ты даешь!
– Я не из Москвы, – терпеливо пояснила Динка. – Я из Монголии еду. Из Улан-Батора.
– Как?
– Ну, это столица Монголии – Улан-Батор, «Красный Батыр» переводится. Богатырь то есть...

* * *

Динка поневоле вспомнила, как они подъезжали к Улан-Батору в первый раз. Поезд грохотал по склону высушенной бесконечной сопки, заходя на огромный круг, а внизу колыхалось серое слоистое марево.
– О, а вот и Батор, – пояснил папа.
– Где? – не поняла Динка.
– Да вон, внизу. Это дым поднимается, ему уходить некуда. Юрты дымят. Раньше это место называлось, кажется, Долиной Смерти. Улан-Батор вообще древний город, раньше назывался Урга, можешь почитать, у него интересная история.

Вот как, значит, Долина Смерти... чудное, должно быть, местечко. Динка так и приклеилась к стеклу. Все казалось необычным, странным. Тайга осталась позади, возле Байкала, на горизонте давным-давно маячили только лысые сопки. И степь, бесконечная степь. Редко-редко мелькал поселок: несколько юрт, низкорослые лошадки, дети, которые отчаянно махали поезду, запыленный старый «газик» – и опять степь, пыльные пустые тропинки.

Поезд нырнул в туман и загрохотал вниз. Дальше был вокзал, встреча, тряский военный «козел» – впечатления наслаивались, и очнулась Динка уже в подъезде самой обычной пятиэтажной хрущевки. Будто никуда и не уезжала. Папа подмигнул, открывая дверь – и навстречу им, из кухни, с улыбкой вышла мама, а следом выкатился серый толстолапый щенок.

– Ой! Ма-ама! Ой! Пап, это кто?
– Сюрприз. Ты ж хотела собаку?

Хотела собаку! Да она, сколько себя помнит, приставала к родителям – давайте, ну давайте возьмем щенка! Во втором классе предки взвыли, и у нее появился Арс, рыжий ирландский сеттер. Он был ее лучшим другом целых четыре года, а потом они снова переехали в другой город, и ее услали в лагерь на целое лето. Через неделю Арса сбила машина. Ей ничего не говорили, пока она не вернулась. После этого Динка угрюмо и категорично отказывалась ездить в любые лагеря. Родители некоторое время скандалили, но смирились. А Динка до сих пор порой тосковала. Она считала, что Арс погиб из-за нее. Если бы она осталась – ничего бы не было.

После Арса она, кстати, не то чтобы очень просила, просто... просто часто застревала на улице, глядя, как чужой пес носится за палкой.

Но чтобы родители сами... фантастика!

Щенок, переваливаясь, подошел к ней и осторожно куснул шнурок. Динка топнула ногой, щенок тявкнул, наморщив нос, и она поняла, что эта самая Долина Смерти, похоже, лучшее место на свете.

Самое счастливое, самое.

* * *

– А где этот Батор? В Сибири, что ли? – вернул ее обратно голос попутчицы. – Тебя как зовут? А у вас там снега тоже навалом, да? Я – Нонна. Красивое имя, правда? И редкое.

Редчайшее, я одна такая в городе. Вон, соседи дочку Таськой назвали, Таисией то есть – ну, вроде тоже ничего, хотя Нонна, конечно, лучше. Я актрисой хочу стать, сама понимаешь: сериалы, кино, пресса – хорошо, что редкое, сразу запомнится. Я читала, у актрисы главное – имя красивое и глаза, чтоб выразительные. Вот Мерилин Монро... У меня, кстати, выразительные-превыразительные. За мной знаешь сколько мальчишек в школе бегают? Стада.

Тут вошла проводница, поставила на стол два стакана с чаем.

– Это я заказала, ты ж будешь чаек, да? Принесите нам еще лимон, пожалуйста, а то я вначале стормозила. Так, чего тебя из этого Красного – как там, Бутера? – предки выписали? А в Сибири холодно?

– В Сибири холодно, – согласилась Динка. – Только Улан-Батор не в Сибири, он в Монголии, еще дальше, вообще другая страна.

– Ну ни фиги себе!

– Ага, рядом с Китаем. И снега там нет совсем, кругом голая степь, а мороз...

– Надо же, другая страна! А чего тебя предки сюда выпнули?

– Да само как-то получилось, – пожалала плечами Динка. – Просто у отца новый контракт, в другом городе, переезд, то-се... А мне учиться надо, я пока здесь буду, у тети.

– А я никогда в другой стране не жила. Только в Финку ездила, ну, в Финляндию, тут рядом, я как раз через пару дней снова туда рвану, в Хельсинки. Там круто, вот куда на каникулы надо. А у вас сплошные китайцы, раз Китай рядом? А ты в каком классе?

– В десятом.

– Супер, я тоже в десятом. – Нонна опять отвлеклась на проводницу: – Ой, спасибо, вот ей лимон бросьте, она хочет! А белья нам не надо, пара часов осталась, мы так поболтаем.

Динка неловко полезла за мелочью, Нонна замахала руками:

– Ерунда, оставь, я уже заплатила копейки какие-то, не парься. Бутеры бери, мне нельзя, я на диете, сама понимаешь – актрисам нельзя. А с чем они там, кстати? Ладно, дай мне с ветчиной... Один бутерброд не считается, верно? Что я, из-за этой диеты голодать должна? Ерунда какая! А ты на диете сидела? А на какой? А калории умеешь считать?

Нонна уплетала бутерброды, хрустела печеньем – и все время что-то рассказывала. Динке казалось, будто ей в голову залетела парочка огромных шмелей – и жужжат, жужжат, летают, нарезают круги. Она не поспевала за Нонной, только собиралась ответить на один вопрос – та уже задавала десяток новых. Впрочем, Нонне, похоже, ответы и не требовались. Поняв это, Динка перестала дергаться, успокоилась и принялась просто слушать.

Она никогда не умела легко сходитьсь с людьми. Она даже в магазине старалась разобрататься сама, прежде чем спрашивала, сколько стоит. Если спрашивала, то с запинкой. А тут какая-то девочка-коммуникатор, атомный дружелюбный ветер, ей-богу.

Но чай был горячим, бутерброды – вкусными, и, прихлебывая из стакана, Динка постепенно оттаяла и даже ощутила тайную радость от того, что Нонна так решительно взяла ее в оборот. Все, что требовалось, – мудро кивать и жевать бутерброды из дружеских рук. Так что вскоре бутеры кончились, а Динка ознакомилась с первыми двумя томами Нонниной биографии.

– А парень у тебя есть? В этом Баторе остался, да? Скучаешь, наверно? Он тебе эсэм-эски шлет?

– Нет.

– А че так? Связь плохая?

– У меня... нет парня.

– Да ну?! Поссорились?

– Нет, у меня вообще еще... не было еще. Вообще никого.

– Ну ты, мать, даешь! – Нонна хлопнула по столику бутербродом так, что колбаса взлетела и удачно приземлилась Динке на колено. – Или там одни китайцы? Тогда понимаю, они

все задохлики, выбрать не из кого. Вон у нас на рынке с пуховиками толкуются, а сами мелкие – пучок пять копеек. Хотя, если совсем никого, никого-никого, никакого совсем парня, – тогда, конечно, можно и китайца, чтобы из школы провожал. А у тебя вообще никого? Бедная девка... Ну, ничего, у нас парни нормальные. Ты в какую школу собираешься, а?

– Не в курсе еще, – помотала Динка головой.

– Давай к нам, во вторую. Ты где жить будешь, в смысле, на какой улице?

– На Гоголя.

– Ой, тогда, конечно, к нам! Оттуда до первой тоже близко, но к нам лучше – через лес по тропинке, потом через стадион – и все. Слушай, как тебя зовут, забыла?

– Динка.

– Динка – Диана, значит, да? У ашников в одиннадцатом тоже есть Диана, ничего такая, только зазнавала. Слушай, я тебе сейчас про своего парня расскажу...

* * *

У Динки, можно сказать, никогда не было друзей. Не потому, что она была занудой или зазнавалой, как неведомая Диана из ашников. Но попробуйте завести друзей, если каждые два года нужно менять школу. Динкин отец работал по контрактам, был связан с геолого-разведкой, поэтому семья часто переезжала. Она успела пожить в Питере и в Казахстане, в Карелии и в Монголии. Если б Динка зарегистрировалась на «Одноклассниках», ей пришлось бы разыскивать человек двести. Потому что к настоящему дню она сменила шесть классов в пяти школах. Некоторые помнила смутно, некоторые – очень ярко.

Например, первый класс. Первой у нее была училка-садистка, которая лупила по партам указкой, рвала тетради и с особым наслаждением ставила всему классу колы за поведение. Ее Динка помнила во всех подробностях, словно на подкорке выжгли, – длинные вампирские кровавые ногти, прилизанную, волосок к волоску, стрижку, скорбно поджатые губы. Динка иногда думала: может, поэтому она и недолюбливает школу? Все-таки первая учительница, «школьные годы чудесные». «Не забывается такое никогда», вот уж точно.

В третьем классе, уже в другой школе, она с ходу разругалась с местной заводилой, которая, не откладывая надолго, после уроков заманила ее к проруби, чтобы утопить. Этот эпизод Динка вспоминала с особым удовольствием, потому что они подрались на льду, и Динка безоговорочно победила. Еще неизвестно, кто бы кого утопил, дойди до дела. Ее противница потом неделю отсвечивала фингалом, а Динка неожиданно стала считаться Бэтменом и защитницей обиженных.

В пятом она, как говорится, не вписалась в коллектив, и ей объявили бойкот. Но Динка была уже закаленным бойцом, бойкот пережила, а потом поймала местную королеву, которая все и устроила, втолкнула в пустой класс и предложила «поговорить один на один». Поговорили, роняя стулья. Больше ее не трогали, но сама она через месяц перевелась в другую школу.

К восьмому Динку уже ничто не пугало, попадись даже училище юных людоедов. Но последняя школа в Монголии неожиданно оказалась мечтой. Народ там подобрался пестрый и необычный, все чем-то похожие на Динку – дети дипломатов, спецов-контрактников, вполне терпимые учителя... эх, да что говорить! Она ходила туда три года и, уезжая, так ревела на вокзале, что у Егора, ее лучшего друга, промокла на груди рубашка.

Конечно, она обещала писать. И ребята обещали. Спасибо Интернету, который стер границы и расстояния. Но Динка по опыту знала – переписка рано или поздно кончится. Они начнут жить своей жизнью, писать все реже и реже... а потом все прекратится. Скорей бы уж получить аттестат, перестать мотаться с места на место и поступить в университет. Там у нее наверняка появятся настоящие друзья.

А пока лучше не загадывать наперед.

* * *

– ...а он собирается стать сценаристом, прикинь? И тут я поняла – судьба. Прямо рок какой-то мне подыгрывает, просто супер, да? Во, думаю, кто напишет мне кучу сценариев. Хочу, хочу, чтобы самая звездная роль была моя! Чтоб все лежали, понимаешь, да? Ну вот, мы зацепились на этих фильмах, ролях, сценах – ля-ля, тополя – и все, закрутилось. Никитос долго, конечно, раскачивался, он такой, не то чтоб тормоз, а просто мамашей надрюченный сверх меры. И серьезный. Он сейчас уже журналистом подрабатывает, статьи пишет. В школьную газету-то – ладно, ерунда, но его и в городской печатают. У него там мама редактор, но от этого еще хуже, она его статьи режет безжалостно, как крокодил, я слышала, они дома ругались. А печатают потому, что он пишет здорово. Я читаю порой, а псевдоним у него – Ник Бессон. Супер, да? Это я ему, между прочим, придумала – Бессон, от фамилии Бессонов. В олимпиадах участвует по литературе, выигрывает все время. А еще театру нашему помогает – «Песочным часам», тоже пишет для них что-то. Они прикольные ребята, я там была тыщу раз, я тебя свожу, ты, главное, не теряйся...

Динка слушала внимательно, стараясь представить себе все, о чем говорит Нонна. Скоро это станет ее жизнью. Хорошо, что у нее в новом городе сразу будет кто-то знакомый. Нонна, похоже, очень добрая, отзывчивая. Вон как хочет помочь...

Если б не Нонна, Динка, конечно же, так и провалялась бы с книжкой на полке, разглядывая бесконечный заснеженный лес.

– ...только ты не подумай, что он ботан сушеный. Никитос, знаешь, какой заводной? Помню, козел один из училища приперся к нам на вечеринку, бухой в дым, пальцы стал гнуть – да вы тут лохи малолетние, да я всех тут носки жевать заставлю. Парни все расползлись по стеночкам, а Никита вышел, ка-ак вломил ему! Потом из училища дружбаны этого приходили разбираться, сами сказали – типа, все нормально, наш первый быковать начал, все по-честному...

Лес был дремучим, диким, звериным каким-то. Уже рассвело, посветлело, и огромные косматые ели бесконечно тянулись за окном, изредка расступаясь перед замерзшим озером или болотом...

– ...мы перед Новым годом поцапались, но это мелочи жизни. Все-таки он – мальчишка, сама понимаешь, да? Я его жуть как люблю, и все такое, но командовать – фигушки, я сама все буду решать. К тому же с ними только так и можно, с мальчишками, – поводок отпустила, потом опять подергала, чтоб не расслаблялись. Он мне и звонил потом, и писал, весь телефон в эсэмэсках, места уже нет! Я читаю, конечно, но в ответ – могила, до сих пор молчу, кстати. Пусть помучается! Наверно, на вокзал встречать примчится... мне самой жуть как интересно, как он мириться будет. А тебе какие парни больше нравятся – блондины или брюнеты?

– А?! – Динка оторвалась от окна. – Я не думала как-то... брюнеты, скорее.

– Брюнеты – ну-у-у... ничего, сойдет. Джордж Клуни, к примеру, брюнет. Ой, Джонни Депп, как же! А вот Никитос у меня блондин, истинный ариец, сама увидишь. Красавчик – сил нет! В школе девчонки по нему просто хором рыдают. Но он – мой, и только мой, пусть все знают. Пусть только попробует кто-нибудь к нему прицепиться, сразу голову оторву. Шучу, ясен пень. Никуда он не денется, кого он лучше меня найдет? Даже думать смешно. Вон, страдает до сих пор, бедняжка, что со мной поругался. Я ему уже все простила, а на эсэмэс не отвечаю, потому что сюрприз, ну, скоро уже увидимся, час всего остался...

* * *

Жалко.

Жалко Динке было расставаться с родным монгольским классом, так она там хорошо жила. Жалко и немного страшно впервые так надолго уезжать от родителей. Все-таки не на месяц, а на полгода, а потом, возможно, и на целый год. Но жалче всего было расставаться с Рэнькой.

Ведь это самая лучшая в мире собака.

Во-первых, она наполовину волчица. В Монголии летом адская жара, а зимой – адский мороз, поэтому овчарок там смешивают с местными степными волками. Дикае звери лучше выживают в диком климате. А в том, что Рэнька – дикий зверь, Динка убедилась в первый же вечер, когда милый толстолапый щеночек до крови разодрал ей щиколотку.

– Ах ты, зараза! – орала она, вздернув зверюгу за шкуру. – Я тебе покажу, кто из нас в стае главный! Фу, скотина бессовестная! Фу! Нельзя кусаться, нельзя!

Скотина рычала, еще по-детски визгливо, извивалась и норовила, ни капли не раскаявшись, вцепиться ей в запястье.

Много было после этого прожито вместе. Полтора года Динка терпеливо и упорно Рэньку воспитывала, бегала с ней на стадион, приучала к поводку и наморднику, ходила заниматься в собачью школу. Рэнька выказывала характер, дикий, неуправляемый, стойкий. При этом хитрый и коварный. Она грызла диван, в лохмотья ободрала обои в коридоре, куда могла допрыгнуть, измочалила папин портфель, изничтожила гору обуви, доводила до истерики родителей, пугала соседей и одноклассников. Динка заливала царапины йодом, зашивала дыры на одежде, успокаивала соседей... и была совершенно счастлива. Именно такую собаку ей хотелось всегда. Умную, чуткую, недоверчивую – и восхитительно дикую, дикую, дикую!

Когда они прыжками неслись по огромному пустырю, когда Рэнька с азартным рыком рвала зубами поводок, когда они вместе бесились, дрались, валялись на высохшей земле – Динка ощущала счастье, огромное счастье, первобытную радость прыжка и бега. Она была зверем, как Рэнька, она была дикой, она была свободной.

Теперь волчица осталась с родителями. Конечно, они обещали следить за ней... но призрак Арса порой вставал у нее перед глазами во весь рост.

А к тете, увы, с собакой нельзя. У тети аллергия на шерсть. Да и вообще она к собакам как-то без энтузиазма.

* * *

– ... а ты в Москве долго жила?

– А?! В Москве... недели две, у нас там родственники.

– А я туда поступать собираюсь после школы, в театральный. Я бы прямо сейчас переехала. Это же столица, там жизнь кипит, бурлит – кино, музыка, театры-фигатры, клубы всякие... Здорово, правда?

– Да, ничего... только я как-то напрягаюсь. Народу много, в метро – толпа, такие лица, будто друг друга с утра утюгами гладили, раскаленными, по голове.

– А мне нравится толпа. Не то что наша глухомань, три алкаша, две бабки – уже демонстрация. Ты на Арбате была? А на Красной площади? А на Манежной? А в магазине там рядом, такой здоровый?

– Да вроде везде была. На площади точно, а магазин не помню, я их не очень люблю.

– А я обожаю. Я, когда была, все облазила вдоль и поперек тридцать три раза.

– Я в музей палеонтологии три раза ходила, еще в зоопарк...

– Ой, в зоопарк, не смейся! Я в зоопарк только в первом классе, папа таскал. А в клубы на вечеринки, да? Мы ведь уже большие девочки?

Динка пожала плечами.

В клубах она была, но ей там не нравилось, чего особо афишировать не хотелось.

– Я туда первым делом, потусоваться, с сеструхой троюродной. Жаль, времени мало было, всего пять дней. Ладно, какие наши годы. Будут у нас еще и клубы, и веселая жизнь. Мне и так все завидуют, из-за Никитоса, понятное дело. Типа, мы не пара, не подходим друг другу. Он, типа, такой спокойный весь, серьезный, а я с детства на ежа севшая. Знаешь стишок? «Не садитесь на ежей, жизнь покажется хужей!» Только мы с Никитой вполне пара, хоть он вправду спокойный, как танк в одуванчиках. Ой, смотри, уже скоро приедем, надо собираться!

Нонна выволокла сумку и зашуршала пакетами в обратном порядке. Динка сунула книжку в рюкзак и уткнулась носом в стекло.

Мелькнул заснеженный переезд, лесная дорога, несколько машин. Потом ели потянулись медвежьими лапами к первым многоэтажкам – и нехотя расступились. Взревел тепловоз, медленно поплыл навстречу заснеженный пустырь, по которому тянулись бесконечные ободранные трубы теплоцентрали. За ним – низкие домики, копченая труба кочегарки. А там уж замаячила красная кирпичная туша вокзала, засуетились, задвигались среди белых сугробов черные фигурки встречавших.

– Какой вокзал интересный, – отметила Динка. – Большой.

– А, недавно отгрохали по финскому проекту. И что толку, спрашивается? К нам ходит-то два вагона и три товарные тележки. Поэтому он пустой все время и закрыт.

– Поня-ятно... – протянула Динка, хотя было совсем непонятно, зачем строить здоровенное здание для приема двух вагонов. – Смотри, вон тетя моя!

– А вон моего папы машина. Папа, эй, я тут! Тебя подкинуть, кстати?

– Да тетя, наверное, на такси.

– Ладно, ой, а телефон-то! Давай, давай, давай, я тебе свой быстренько продиктую, пиши!

Динка торопливо забила в память новый номер, а тут и поезд загремел, закачался, останавливаясь. Девчонки, подхватив вещи, двинулись в тамбур.

Платформы не было. Снизу протянулись руки, мелькнуло сияющее тетино лицо, Динка спрыгнула – и тетя принялась тормозить ее, причитая: «Диночка, ну наконец-то, а я уж переволновалась, девочка моя! А выросла-то как! А бледная-то какая! Ушки натяни, холодно, простудишься, моя девочка, наконец-то, а я уж с утра жду, жду...»

Нонна потерялась в суматохе, и Динка все вертела головой, стараясь ее отыскать. Но та сама вдруг вывернулась откуда-то из-за угла, когда они с тетей уже подходили к стоянке такси. Подскочила налегке, без сумки:

– Ну что, все ок? Звякни мне прямо сейчас, я твой номер тоже запомню. И в школу нашу обязательно, да? Вторая, десятый Б. Ага, высветился, сама тебе вечером позвоню. Ну, давай, пока-пока, не пропадай, да?

И тут Динка увидела его.

Он быстро шагал через привокзальную площадь, почти летел, рассекая плечом воздух, а в руках у него полыхал букет красных роз. Светился тяжелым горячим огнем среди сахарных сугробов и синих теней. На холоде розы обычно кутают в бумагу, в целлофан, а он безжалостно сдернул обертку, выставив цветы напоказ.

Снежная иголочка кольнула Динку в сердце. Он шел, словно подчиняясь невидимому ритму, в такт неведомой, неслышной остальным музыке.

Стремительный. Без шапки. С розами.

Он в упор глянул на Динку, ей показалось – прямо в правый глаз. А потом еще отдельно, в левый. Длинным движением откинул со лба темную, чуть заиндевевшую челку. И только потом улыбнулся. Белозубой, остро вспыхнувшей улыбкой.

– Чего там? – живо обернулась Нонна. – А!

– Нонна! Прости меня! Я был гад и дурак!

Парень снова тряхнул головой, смоляная челка эффектно рассыпалась по лицу.

– Но я раскаялся, о моя вампирская королева! Я ломал стекло, как шоколад в руке! Я резал эти пальцы за то, что они не могут прикоснуться к тебе. Я смотрел в эти лица и не мог им простить...¹

Нонна фыркнула.

– Хорошо, – парень остался серьезным. – Могу по-другому. Мой милый друг, такая ночь в Крыму, что я не сторож сердцу своему – рай переполнен, небеса провисли. Ночую в перевернутой арбе, и если по ночам приходят мысли – то как уснуть при мысли о тебе?²

– Обойдешься без мыслей, – хмыкнула Нонна, впрочем, улыбаясь. – Не было никакой любви.

– А если нет любви – зачем, обняв колени, я плачу по тебе в пятнистой тьме оленьей?!³
– отчеканил черноволосый, на лету разделяя букет на три части.

Часть он с полупоклоном вручил Нонне. Одну розу галантно протянул Динкиной тетушке, которая взяла, опешив. А три розы с улыбкой подал самой Динке:

– Позвольте представиться – Бонд. Джеймс Бонд.

– Спасибо, – пробормотала та, растерявшись не меньше тети.

Не таким, совсем не таким представляла она Никиту со слов своей новой подруги.

Спокойный? Молчаливый? Извините, блондин?!

Здорово же он изменился! Неужели все из-за ссоры?

– Можешь звать его просто – Бэтмен, – хихикнула Нонна. – Джеймс Бонд Бэтмен.

– Можно и так, – серьезно подтвердил тот и взялся за ляжку Динкиного рюкзака. – Разрешите вам помочь, прекрасная незнакомка.

Рюкзак застегивался спереди, на груди и на поясе, стащить его за ляжку было невозможно. Динка от движения качнулась и невольно ухватила парня за плечо.

– Ой, не надо! Я сама справлюсь...

– Дожили, – с подчеркнутой грустью махнул челкой Никита. – Неужели мне даже рюкзак доверить нельзя? Пойду приму триста капель валерьянки, а еще лучше – выпью три тысячи капель яду...

– Да я не потому... не поэтому... просто...

Динка вдруг смутилась.

Никто не дарил ей при встрече розы.

Никто не называл ее прекрасной незнакомкой.

Никто никогда еще не отбирал у нее на вокзале рюкзак.

Она глянула на Нонну – та была, кажется, вовсе не против. Руки сами защелкали застежками, и Никита подхватил груз.

– Где ваш экипаж? – галантно обратился он к тете.

– Там. – Та ткнула розой в припаркованное такси. – Ой, Диночка, ты уже с ребятами подружилась? Как хорошо, правильно, чего одной-то?

– Ладно, мне пора. – Нонна развернулась к красивому серебристому джипу. – Динка, не забудь, вторая школа, десятый Б! Чао, Бэтмен!

¹ Цитата по песни группы «Наутилус-Помпилиус» «Я хочу быть с тобой», слова Ильи Кормильцева.

² Стихи Александра Кабанова.

³ Стихи Александра Кабанова.

И легко побежала к машине.

Динка от неловкости готова была сжевать подаренные розы вместе с листьями. Никита пришел помириться с Нонной – а она помешала. Рюкзак этот нелепый. Тетушка со своими причитаниями.

Но Никита из вежливости даже не поморщился. Только послал серебристому джипу воздушный поцелуй, а потом терпеливо закинул Динкин здоровенный рюкзак в заставленный канистрами багажник. Рюкзак, как в дурной комедии, лезть не хотел. Шофер пыхтел рядом, Никита же только улыбался.

– Давай кинем его назад? – предложил он, когда зловерный рюкзак окончательно отказался пропихиваться внутрь. – Поставим наискосок. Ты худенькая, влезешь.

И рюкзак чудесным образом лег на сиденье, и рядом с ним правда оказалось достаточно места.

– Извини, – начала было Динка. – Глупо получилось. Ты из-за меня тут завис, Нонна уехала.

Никита смахнул челку со лба:

– Дина, знаешь, ты первая симпатичная девчонка, которая извиняется, когда я за ней ухаживаю.

Она не нашлась что ответить.

И отчего-то здорово разозлилась. Она ни на какие такие ухаживания не набивалась, мерси. Сам прицепился. И с рюкзаком прекрасно справилась бы, не впервой. Тоже мне герой, слово-то какое откопал – «ухажива-аю», ухажер нашелся. Спасибо, мы и без вас ухоженные. За тараканами у себя в мозгах ухаживайте.

Никита придержал дверь для тети, которая садилась на переднее сиденье, а потом опять развернулся к Динке:

– Ты к нам надолго?

С языка чуть было не сорвалось: «Не твоё дело!» А потом неплохо бы небрежно кивнуть, как Нонна: «Чао, Бэтмен!»

Злая Динка глянула ему в глаза... и тут же вся злость испарилась, а сердце стукнуло невпопад. Ну и глазищи – черные-черные, насмешливые. И в каждом по огненному чертику.

А Никита смотрел на нее чуть с прищуром, и Динка прям лопатками чувствовала – не просто так смотрит, ой не просто. Разглядывает. Оценивает. Мачо фигов!

Ладно, решила она, хватит в гляделки играть.

– Спасибо за помощь, до свидания, – светски кивнула она с холодком, игнорируя вопрос.

– Я тебя найду, – кивнул Никита, игнорируя ответ, тут же развернулся и зашагал по своим делам.

Машина тронулась, тетя снова завела: «Ой, слава богу, добралась, а я тебе пирог испекла, и воду горячую как раз на прошлой неделе дали, помоешься, как белый человек, а то у нас дома студено, батареи еле живы, деньги-то небось платим – а за что? За то, что сволочи эти, из домоуправления, все нас поделить не могут с другими сволочами, из компании управляющей...»

Динка глядела в оттаявшее наполовину окно, отмечала – вон магазин, вон рынок, вон школа. Злость отхлынула, странная грусть сменила ее. И чего она на Никиту окрысилась? Сама виновата, если честно. Смутилась, вот и потянуло хамить. «Симпатичная девчонка», скажет тоже. А вообще-то... ну... она ведь не хуже других, верно? Вдруг она ему вправду понравилась? А она сразу – «до свидания»... обиделся скорее всего. Ну и наплевать, в конце концов, пусть топает к Нонне, это у них там любовь-морковь.

Машина переваливалась через ямы, по обочинам громоздились великанские сугробы, мелькали прохожие, по уши замотанные в шарфы. Дети в ярких комбинезонах гоняли по

ледяным дорожкам. Малышей родители тащили на саночках – укутанных, больше похожих на меховые кульки. Бросилась в глаза огромная куча угля, чуть припорошенная снегом, рядом с кочегаркой. Мимо проплывали низкие деревянные бараки, увешанные сосульками, заметенные по самые окна.

Машина свернула к площади.

– А вот и наш дом, – оживилась тетя, – да ты помнишь, наверно, Диночка. Вон, дальний, на краю леса. Ко второму, будьте добры. В лесу-то как раз кладбище, Диночка, сходим как-нибудь, проведем своих...

Серая блочка одним концом выходила на городскую площадь, а другим упиралась в лес. И лес этот, как Динка помнила, уже не превращался в город. Там, дальше – кладбище, дорога на городской пляж, дорога на родник, поля – а дальше уж вовсе тайга непролазная. Над площадью, на горе, красовался облупленный Дом культуры – фасад от старости осыпался, там и тут в дырах штукатурки проглядывали кирпичи. Выглядело страшновато, что не мешало дому вести активную культурную жизнь. От него вниз сбегала длинная ледяная горка. Там стоял сплошной визг – ледянки, санки, картонки, вся окрестная малышня.

С другой стороны площади возвышалась мэрия. Перед ней на гранитной стреле торчала облепленная снегом голова. В ней смутно угадывался облик вождя мирового пролетариата товарища Ленина.

– В самом центре живем, – похвасталась тетушка. – Все рядом.

Тут машину особенно сильно тряхнуло – и они подъехали.

– Середину только чистят, оборзели совсем, – подал голос шофер, отсчитывая сдачу.

Динка вышла наружу, вытащила рюкзак. Перед глазами стояла сценка, выхваченная на ходу: из барака вывалился мужик в тельнике и валенках, качнулся и съехал с крыльца. Следом за ним вышли два друга, принялись тащить падшего, один сам повалился сверху. Интересно, чем дело кончилось?

– Смотри, Диночка, в ДК – дискотека по субботам, супермаркет вон там, недавно открыли, а вон и завод, воняет с него, конечно, но редко, когда ветер с Ладоги. А так тут у нас хорошо, спокойно.

«Херь, – отчетливо подумала вдруг Динка, – Большая спокойная Херь. Большая-пре-большая...»

Глава 2

Любовь – это слово похоже на ложь

Нонна, как и обещала, позвонила вечером. Динка записала имя директрисы – документы в школу надо было подать как можно скорее, – и Нонна вздохнула принялась выкладывать, как здорово ее встретили дома. Динка осторожно вклинилась:

– Нонна, ты извини, что так вышло... ну, с Никитой.

– Чего?!

– Ну, что я между вами влезла.

Нонна изумилась:

– Ты чего городишь, мать?! Я Никиту сто лет уже не видела!

– Подожди... а на вокзале?

В трубке – секундное замешательство и хохот:

– Ну, даешь! Это ж Толик был, Ванин, из нашего класса. Ты думала, Никитос? Ой, не могу, держите меня семеро! А волосы-то, а челка!

Динка сжала трубку, ощущая себя не просто круглой дурой, а дурой четырехугольной. То есть дурой особой, элитной породы. Хоть сейчас заноси в Красную книгу редчайших идиотов.

– Он на тебя запал, засекал? – хихикнула напоследок Нонна. – А Никиту маман на неделю в спортлагерь спланировала, на лыжах рекорды ставить, его вообще в городе нету. Мне папик сказал. Мой Никитос, натурально, моему папе звонил, спрашивал, когда я приеду, представляешь? Извинялся, что не встретит, просил передавать привет. И на мейле три письма. А ты думала, что Толик – Никита, ха-ха, шутка века!

Динка вздохнула. Черт ее дернул попутать черноволосого Толика и белобрысого Никиту.

– Угу, смешно... – мрачно перебила она. – Скажешь тоже – запал, ерунда, с чего бы?

– Так это ж Толик, пфе. Он всегда на новеньких западает. У мальчика семь пятниц на неделе, а так – ниче. Вообще-то он умный, только трепло. Ко мне тоже подкатывался, как видишь... Но это так, выпендрож сплошной и провокация, понты нереальной красоты. Я с ним даже не ссорилась, просто надоел, трубку в последний раз даже не кинула – нежно положила, а он сразу на колени. Это просто у него стиль такой, типа, Зорро. Он, кстати, мне звонил, телефон твой кланчил. Я не дала. Хочешь, дам?

– Нет, ты чего! Хотя... не знаю. Зачем ему мой телефон?

– Потреться, чего нет? Толик же прикольный, хоть и со сдвигами. А кто сейчас без нервных сдвигов?

– Ладно, можешь дать.

Потом Динка рассеянно кивала, слушая про Хельсинки, куда Нонна намылилась через два дня, рассеянно пообещала срочно занести документы в роно и повесила трубку. Подошла к своему новому столу.

Осторожно тронула три красные розы в высокой стеклянной вазе.

Зачем она Толику?

Розы молчали.

Длинный-длинный день подходил к концу.

Дел было полно, да вот хотя бы рюкзак разобрать – но делать ничего категорически не хотелось. Компьютера пока не было, а значит, Интернета тоже. Тетя выделила ей целую комнату, и теперь Динка как бы наводила тут порядок. За окном, на сиреневой ледяной горке возле черного леса, летали на ледянках дети.

Взять бы Рэньку, помчаться на улицу, гоняться друг за другом, кувыркаться в сугробах. Лес под боком, такое счастье... а разделить не с кем. Одной по сугробам прыгать неохота. Скучно. Может, все-таки на горку пойти?

– Теть Вера, я бы на улицу сбегала?

– Диночка, да ты что придумала? Поздно уж, да и холодно там, к вечеру всегда мороз, вон на градуснике – минус двадцать два, все в кружевах. А ты с дороги, после ванны – посиди уж со мной, сейчас сериал начнется хороший, а там и твои должны позвонить. Волнуются ведь, а мне до них не дозвониться, связь плохая, срывается все время, а может, я тыкаю не туда, не понимаю я этих новых телефонов... сейчас очки возьму, ты уж сама глянь – то ли набираю?

– Не надо, правда связь плохая, не срабатывает. Я тоже не дозвонилась. Ладно, сегодня дома.

– Ну, пойдем тогда к телевизору чай пить.

Динка кивнула, а сама покосилась на часы. Десятый час. На горке целый детский садик оттягивается, а ей, получается, поздно. Придется в будущем повоевать за свою независимость. Родители давно привыкли, что она с собакой гуляет по вечерам сколько хочет. Впрочем, не очень-то ей сейчас и хотелось.

Она выпила чаю, попялилась минут десять в телик, послушала зубодробительные охи-вздохи и ускользнула к себе.

Хорошо, что места много. Три комнаты, хоть на лыжах по квартире бегай. Хорошо, что комната своя. Конечно, кое-что надо переставить. Шкафы пусть остаются, диван тоже сойдет. Одно кресло, пожалуй, лишнее. Стол новый, компьютерный. Специально тетя купила, готовилась. Эх, сейчас бы комп с инетом – и никаких проблем...

Но об инете пока можно только мечтать. Динка вытащила из рюкзака толстую тетрадку, воткнула в уши плеер, щелкнула настольную лампу. Чего бы послушать? Пусть будет танго, разное... Яркий, тревожный танец, словно угли, присыпанные красным перцем.

Она представила себя с гладко зачесанными волосами, в узком черном платье, похожую на всполох темного пламени, в красных туфельках на кинжальных шпильках. Опасная женщина, женщина-лезвие, женщина-волчица с горящими глазами, полными лунного света. А навстречу, из полумрака выходит Он – охотник с красной розой в руке...

Тьфу! Лезет же в голову такая ерунда! Как в дурном кино, ей-богу, – ну какие охотники, какие черные тени, какие кинжалы? Это все Толик со своими розами... а может, просто поговорить не с кем.

Рэньке, наверно, тоже сейчас грустно. Надо найти компьютерный клуб, предкам написать, чтобы почаще с собакой гуляли... а еще пусть папа купит ей мороженое. Рэнька любит мороженое.

Динка вздохнула и открыла тетрадь.

Дневник Динки Волковой,

январь, каникулы

Первая неделя нового, 2010 года. Первый вечер на новом месте.

Компа нет, цивилизации нет, Интернета нет – поэтому пишу сюда. Никогда не жила в маленьком городе. Но на первый взгляд – дыра дырой, боюсь, тоска тут несусветная. Познакомилась с местной девчонкой в поезде. Сейчас про нее напишу. Главное, все время вспоминаю Рэньку, вздыхаю, скучаю невыносимо...

* * *

Следующие два дня прошли в беготне.

Нонна уехала в Хельсинки, Толик так и не позвонил, встреча на вокзале забылась, утонула в повседневных заботах.

Через знакомых (тут все всех знали) тетя разузнала, какие документы нужны для школы. Но роно открывалось только на следующей неделе, поход пришлось отложить. Динка надеялась, что у нее получится записаться именно во вторую, и непременно в 10-й Б. Какая разница чиновникам, куда ее запихать? А человек, если твердо знает, чего хочет, всегда своего добьется.

Зато она нашла компьютерный магазин и заказала ноутбук. Ей давно хотелось не огромный, а современный, плоский, чтобы можно было таскать с собой, смотреть фильмы в поезде и выходить в инет даже с вершины сопки. Старый комп со здоровенным монитором она оставила папе. На время. Там видно будет. Родители согласились, что без компа в современном мире – никуда, и щедро отсыпали денег. Динка вместе с тетей торжественно сняла их с карточки. Выбор тут оказался невелик, поэтому Динка предпочла заказать по каталогу. Помучается еще несколько дней, пока не привезут, зато потом получит нормальную рабочую лошадку.

Компьютерный клуб тоже нашелся. Первым делом она нетерпеливо влезла в почту, потом – в «Контакт». Папа писал с работы, что у них все в порядке, привет тете. Динка тут же отщелкала, что у нее тоже все в порядке, тетя рада, передает ответные приветы, и – «береги Рэньку, не отпускай ее без поводка, купи ей мороженое».

«Не волнуйся, куплю», – сразу ответил папа, и она улыбнулась, представив, как он тоже сидит у компа в эту же минуту.

Было еще письмо от лучшего друга из соседнего класса – Егора. Народ из Батора разъехался на каникулы. Егор скучал и жаловался, что его одного предки не пускают путешествовать в Китай.

Тут Динка сочувственно хмыкнула. Егор был человеком будущего, абсолютным жителем мегаполиса. За городом, в глуши, он увядал, а на людных улицах из него буквально искры сыпались. Для него и Улан-Батор так, большая деревня, даром что столица Монголии. Сам из Бурятии, черноволосый, узкоглазый Егор мгновенно ввинчивался в любую азиатскую культуру. Он уже побывал на Таиланде, в приграничном Китае, и теперь вздыхал о городах-гигантах – о Токио, Гонконге, Пекине. Это он таскал Динку по всему Улан-Батору, показывал клубы, музеи, рассказывал о великом Чингисхане, которого монголы почитают, как божество.

Хороший друг.

А подружились они, потому что Динка Егора, по сути, спасла. Дело в том, что Егор... ну, полноват. Бывает. Не всем повезло шуметь стройными рябинками. Динка не обратила бы на него никакого внимания, если б не Рэнька. От неугомонной псины ничто не могло укрыться. Они гуляли тогда подальше от посторонних глаз, среди сопки, начинавшихся сразу за «русским районом».

Шпарило солнце, пылили под ногами высохшие тропки, степь горьковато пахла сухими травами. В небе кружил орел. Динка щурилась на свет и пила теплую воду из бутылки, а Рэнька, несмотря на жару, неутомимо прыгала за палкой, а потом рванула на вольный выпас, когда Динка отстегнула наконец поводок. Тут, вдаль от народных масс, можно было не цеплять намордник. Собака ведь в некотором роде тоже человек, она не может все время бегать с подвязанной челюстью.

Крайние хрущевки еще просматривались за спиной, а девочка с собакой забирались все дальше и дальше. Слева осталась гудящая вышка связи, а впереди начинались дикие овраги. Вот в такой овраг, насторожив уши, внезапно свернула Рэнька. Динка следом. Щенок-злюка уже подрос, мог наворотить дел. По счастью, она успела вцепиться в ошейник – так они и влетели в ложбинку, на всех парах, как два счастливых паровоза. А там, прямо на земле, сидел черноволосый паренек, смахивающий на монгола. Он оглянулся и быстро вытер рукавом лицо.

– Ты чего? – растерянно спросила Динка, соображая на ходу – а говорит ли он вообще по-русски? – Плакал, что ли?

Рэнька угрожающе рыкнула – просто от переизбытка молодой дури.

– Тебе какое дело? – Парень глянул исподлобья.

Восточное смуглое лицо, а глаза непривычно круглые, точно черные переспелые вишенки.

Он хмуро покосился на Рэньку, и та в ответ недружелюбно набычилась, даже исподтишка показала зубы, молча приподняв верхнюю губу. За что тут же получила по ушам.

Надо было уходить, но Динка медлила, вглядываясь в незнакомца. Никто сюда не ходил, кроме собачников – откуда он, зачем? На вид ее ровесник. Может, она его мельком видела в школе? Русская школа тут одна...

Парень между тем, не поднимаясь, хмуро шевелил носком кеда песок. Рядом с ним казалось, будто в раскаленном воздухе плавают колючее облачко холода. Он сидел сгорбившись, обняв сам себя за колени, будто замерз...

И Динка неожиданно узнала в нем... себя. Она вспомнила, очень ярко, как однажды сидела на балконе, в упор разглядывая белые кирпичи, прижимая колени к животу. А в животе саднил и саднил мамин крик. Она не помнила, из-за чего поссорились, а боль ощущала до сих пор – горячую, жгучую, точно лужа расплавленного металла. Боль и белые кирпичи. Кирпичи и сейчас перед глазами, она изучила их до последней трещинки, до прошлогодней трепещущей паутины...

Ей так хотелось тогда, чтобы кто-нибудь – хоть соседи, что ли? – заметил ее, позвонил, окликнул, спросил, что случилось. Но она была одна, совсем одна, с горячей болью внутри. И никто, никто, никто не пришел на помощь.

Динка успокоила псину, заставила ее сесть, обмотала поводок вокруг кустарника. Подошла, опустилась рядом прямо на траву:

– Мы сюда тренироваться ходим. В городе везде люди, она кидается. А все время в наморднике – тоже плохо.

Парень сидел, глядя в землю.

– Я тоже иногда плачу, – неожиданно призналась Динка. – Ничего в этом такого, честно. И тоже прячусь от всех. Так что ты... извини, ладно? Собака тебя почуяла, вот и рванула. Она молодая еще, дурная, но умная, как черт. Я ее обожаю. Хочешь водички? Только теплая.

– Меня моя девчонка бросила, – посопев, выдал парнишка, не поднимая головы. – Говорит, я толстый.

Динка молчала, долго. Рэнька легла на землю, заскучав.

– Ну и радуйся, – решила она наконец. – Значит, совсем не любила! Иначе ты бы ей все равно нравился.

– Да, радуйся, легко тебе... Меня в классе теперь задрязнят. У всех девчонки, а я один. Ты бы небось тоже с таким не стала дружить, как я. Пончик. У меня погоняло такое – Пончик. А еще Чингиз. Чингиз покруче, согласишься? А теперь она меня назовет Одиноким Пончик, и все будут ржать! Плевать, в общем-то... Только обидно. Мне кажется, теперь у меня вообще никого никогда не будет.

– Как тебя зовут?

– Ну Егор.

– Балда ты, Егор! А меня – Динка. А ее – Рэнька, она наполовину волк.

Так и познакомились. Ради Егора Динка потом совершила подвиг. Полгода она с азартом изображала, что она – его девушка. Понарошку. Чтобы поднять его имидж. Егор ужасно важничал, Рэнька к нему привыкла, как к родному. Потом они как бы «поссорились», но при этом «остались друзьями». Был момент, когда Динке казалось, что Егор в самом деле... ну, собирается в нее влюбиться. Она сразу насторожилась тогда – и чуть всерьез не поругалась с Егором. Любовь – это же совсем другое, это не игра, не надо смешивать. Потом у Егора появилась новая девушка, из монгольской школы, и Динка с облегчением перевела дух.

Да, было, было... Динка прищурилась. Надо описать ему городишко, расшевелить. Тут даже кинотеатра нет, а в Баторе они каждую неделю в кино бегали. Пусть ужаснется, дитя Интернета.

«Привет, Егор! Прикинь, – начала она, – тут кругом бараки, без воды, сортир на улице, о вай-фае никто не слыхал, телефон отрубается сразу за городом, аномальная зона, книжного магазина нет, сижу в компьютерном клубе, кругом мелкота, все рубятся в первобытные стрелялки...»

Тут зазвонил мобильный.

– Алло, я еще в клубе, в Интернете сижу, – не глядя ответила она, думая, что тетя.

– Рад за тебя, – отозвался незнакомый голос. – Это в «Буратино», что ли?

– Не знаю, – честно призналась Динка. – Не обратила внимания. А что, тут компьютерный клуб «Буратино» называется?

– Да это бывший детский садик, – пояснил незнакомец. – Все привыкли. Был бы садик «Березка» – и клуб звали бы «Березка». На каток пойдешь вечером?

– А вы, простите, кто? – спросила Динка, догадываясь.

– Принц датский. Пойдешь со мной на каток, принцесса Диана?

– Нонна телефон дала?

– Дала! – усмехнулся Толик. – Я вымолил его, как раб на галерах. Мне пришлось полчаса целовать порог ее квартиры. Я, можно сказать, на руках вынес ее неслабую тушку из подъезда. Вместе с креслом и чемоданами. И только сейчас она, неблагодарная, небрежно скинула мне твой номерок.

– Ааа... это я ей разрешила.

– Садистки. Значит, это из-за тебя две бессонные ночи я одиноко был на луну? Теперь ты просто обязана со мной покататься. Пойдешь?

– Коньков нет.

– Ерунда, нароем чего-нибудь. Вон у сеструхи моей возьмем.

– У меня 37-й.

– Какое совпадение! У нее тоже.

Динка засмеялась:

– Я вижу, тебя ничто не пугает. Ладно, пошли. Только зайди за мной к тете, я ж тут ничего не знаю, запоминай адрес...

Они договорились на семь вечера.

Письмо Егору она закончила наспех, добавила только: «Скоро поставлю дома ноут, все расскажу, жди!» – и побежала собираться.

Дневник Дины Волковой,

январь, каникулы

Говорят, все девчонки должны думать о любви. Вот я сижу тут – девчонка девчонкой – и думаю о любви. И что толку?

Что такое любовь?

Где она, любовь?

Конечно, первым делом предполагается, что любовь – это ОН.

И делать ничего не надо: сиди, жди – вот явится ОН, а с ним и великая любовь в придачу. На белом коне. Или на белом слоне. На худой конец, на белом лимузине.

Смешно, неужели кто-то до сих пор в это верит? То есть в коня?

Чем больше я смотрю вокруг, тем меньше верю в любовь. Если она есть – то где? Ведь она должна быть на каждом шагу – сколько людей, столько и любви. А что на самом деле? Нет ее нигде, ни намека, ни капли. Нигде.

Вот у меня хорошие родители, я их, наверно, люблю... И они друг друга, наверно, тоже любят... особенно когда не скандалят. Или когда мама ужин готовит. Или когда папа футбол смотрит. Это, типа, любовь? То есть все, получается, ради этого?

Разве о такой любви плачет, кричит все человечество?

Вот у нас в семье вечером за ужином:

– А кетчуп (хрен, майонез) у нас остался?

– Посмотри в холодильнике, справа, вечно ты ничего сам найти не можешь!

Это любовь? Угу, с хреном.

Или в ванной:

– Опять ты заляпал раковину пастой...

Любовь, да? С щеткой в зубах.

Или на диване перед телевизором, по которому крутится «райское наслаждение-выбери-зажигай-ты этогодостоин!», папа хочет новости, мама – нудный старый фильм... Это тоже любовь?

Разве об этом все книги, стихи и песни, вся страсть и кровь?

Я сейчас слушаю Башлачева:

Любовь – это слово похоже на ложь —
Пришитая к коже дешевая брошь...
Мой детонатор испачкан в крови —
Я еду по минному полю любви,
Я хочу каждый день умирать у тебя на руках,
Мне нужно хоть раз умереть у тебя на руках.

Похоже, он знал, что такое любовь.

Любовь – сумасшедший поезд, который врезается прямо в грудную клетку... Может, только поэты и умеют любить по-настоящему? А у простых людей все равно получается кетчуп с яичницей и зомбоящик с зубной пастой в придачу.

Короче, нет в мире любви. В телевизоре нет любви. На нашей кухне нет. У соседей – никакого следа. Только яичница.

Где любовь, где, куда делась? Ау! Она умерла? Ее придумали с самого начала? Никто никого никогда не любил?

Не знаю.

Только знаю точно, что люблю свою собаку. Свою волчицу. Она просто часть меня, часть моей души, пусть на четырех лапах и в собачьей шкуре. Может, люди просто не умеют любить друг друга? Может, поэты умеют, а обычные люди – нет? Одна собака, зверь понимает меня, понимает так, как не поняло бы все человечество...

* * *

Толик зашел за ней вовремя, притащил с собой коньки, прикрученные к белым ботинкам, которые Динка тут же и примерила. Коньки подошли, Толик на прощание ослепил тетю улыбкой – и они сбежали.

В ее монгольской школе девчонки вообще-то дружили с парнями, часто ходили общей компанией в город, или в сопки, или в кино. Так что она не особо смущалась – ну, насколько можно не смущаться рядом с парнем, которого видишь второй раз в жизни.

Громкое имя «каток» носила старая хоккейная площадка, где, вежливо задевая друг друга плечами, ногами и клюшками, тренировалась местная подростковая команда. Под ногами у них вертелась куча мелюзги на коньках и без. Один маленький мальчик пришел с саночками, благодаря которым на скорую руку организовал игру: «Как грамотно догнать нужную девочку, уронив при этом всех остальных».

Снежные заносы давно уже завалили и высокий забор, отгораживающий площадку и все входы в нее. Попасть внутрь можно было одним способом – сначала залезть на окружающую снежную стену, а потом осторожно спуститься по крутым склонам, стараясь не воткнуться в лед головой.

Динка некоторое время сидела на вершине главного сугроба, с опаской наблюдая жизнь. Мальчик с санками лихо затормозил внизу, взметнув полозьями вихрь ледяной крошки.

– Мда... – Динка смахнула льдинки с лица. – Уж лучше бы этот маленький гоблин сразу катался на бензопиле.

– Да ладно, ерунда, – Толик первым соскользнул вниз и удачно приземлился на пятую точку. – Давай руку!

– А других развлечений тут нет? Ну там... туристические маршруты сквозь тайгу наперегонки с лосями? Или ныряние в прорубь с холодильником на шее? Или соревнование – кто первый пожмет лапу спящему медведю?

– Прорубь есть, – кивнул Толик. – После бани – милое дело. Народ купается, могу показать. И медведя неподалеку видели, шатуна. Ладно, вру, медведей в городе нет, его в Кителях видели, в поселке поблизости. Газета писала. А вот весной волчья стая прямо на наш берег приходит.

– А-а, то есть население не скучает.

– А то. Мы тоже медведю лапу пожмем, если встретим.

Динка наконец решилась сползти вниз. Толик почти успел ее подхватить. По крайней мере, помог встать и отряхнуться.

– А теперь – вперед! Как говорил первый космонавт: «Поехали!»

– Хорошо ему было, космонавту, он в ракете в гордом одиночестве стартовал. Никто плечами не толкался...

В Улан-Баторе из-за того, что снега не было, никаких зимних развлечений тоже не имелось – ни коньков, ни санок, ни лыж. И Динка здорово подзабыла, каково это – стоять на коньках. Ноги не слушались, разъезжались, а еще кто-то все время загораживал путь.

– Это каток для камикадзе. – Динка увернулась от высокого парня с клюшкой. – Что ж они все ездят-то, и все на меняааа!

Она всем телом приложилась к забору, а сверху за шиворот тут же бухнулась кастрюлька снега.

– Привыкнешь, тут весело! Я тебя научу, – резко, с поворотом, затормозил рядом Толик. Схватил за руку и потащил за собой, набирая скорость. Мелькали лица, стены, клюшки, сугробы... Динка верещала: «Пусти-и!» – и летела по кругу, а Толик лавировал между хок-

кеистами и шустрými детишками. Когда за ними погнался мальчик с саночками, Динка уже не могла ни визжать, ни хохотать. Они сделали последний круг, оторвались от адского создания и впечатались в мягкую снежную гору на месте калитки.

– Здорово! – признала Динка. – Хотя этот вампиреныш на саночках – настоящий маньяк.

– Наверное, из тех мальчиков, про которых стишки пишут, ну, знаешь: маленький мальчик нашел пулемет...

– Ага. Только тут получается: маленький мальчик санки нашел...

– Кто-то домой безголовым пришел. Или так: мальчик на санках крошил всех в лапшу...

– Встречу без санок, тогда придушу, – подхватила Динка.

– Надо же что-то с этим делать, – подмигнул Толик. – Я сейчас.

– Да ладно, не надо, куда ты?

Но тот уже крутанулся на коньках, запетлял по льду, высматривая «вампиреныша», а через пару минут мимо Динки проехал живой поезд. Толик впереди, запряженный в санки, сверху – гурьба мальчишек, сзади – цепочка малявок на коньках. Народ расступался, и даже хоккеисты уважительно съезжали с дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.